

ТАТЬЯНА ХОХРИНА
СЛЕДУЮЩАЯ СТАНЦИЯ —
МАЛАХОВКА

Fiction
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Х86

В оформлении обложки использована картина
Валентина Губарева «Забытый полустанок»

В оформлении шмуц-титолов использованы картины
Валентина Губарева «Птаха», «Разговор талмудиста
и агностика», «Возраст — как время года»

Дизайн обложки Виктории Лебедевой

Хохрина Т.
Х86 Следующая станция — Малаховка : рассказы / Татьяна Хохрина. — М. : Издательство АЗБУКА. — 288 с. — (Имена. Российская проза).

ISBN 978-5-389-32997-3

Добро пожаловать в Малаховку!

Замечательный, остроумный рассказчик, Татьяна Хохрина с неповторимой интонацией делится историями своих немногих нелепых, но неизменно трогательных персонажей. А главное — она бесконечно их любит, и эта любовь передается читателям, которые смеются и грустят, сочувствуют и негодуют, перелистывая страницы книги. А дочитав до последней, непременно опять раскрывают книгу, чтобы перечитать самый любимый рассказ, потому что, раз оказавшись в Малаховке, каждый непременно хочет побывать там вновь и вновь.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-32997-3

© Хохрина Т., 2026
© Губарев В. А., иллюстрации, 2026
© Оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ПОКИДАЯ НАШ МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД, Я ПРОЙДУ МИМО ВАШИХ ВОРОТ...

Я за городом. Сажу на террасе и смотрю в окно. Окно в Малаховку. Хотя это уже не совсем так. Малаховка, как большинство близких к Москве и излюбленных дачных мест, преобразилась до неузнаваемости. Собственно, от той Малаховки, где я посмотрела в окно первый раз в жизни, ничего не осталось. Я узнаю ее, только просыпаясь утром и видя тот же клен, который сто лет назад приветственно помахал осенними красно-золотыми листьями в знак моего рождения. Рисунок переплетения его ветвей не изменился, и я с закрытыми глазами знаю, где густая листва не пропускает света, где почти осязаемо виден горячий солнечный луч, а где одинокий листок стал на свету прозрачен, и на нем видны жилки, как на ухе ребенка. Всей остальной Малаховки уже нет.

А ведь какой это был особенный и необычный поселок! Малаховку определяло несколько

обстоятельств, сделавших ее непохожей ни на какое другое подмосковное место. Я б даже сказала — местечко. Потому что первым индивидуальным признаком Малаховки было то, что она не стала местечком только потому что находилась близко от столицы, а так не уступила бы ни Бердичеву, ни Млинову, ни Купелю или Жмеринке. Может, только превзошла бы их в части грамотности и просвещения. Остальные же признаки местечка были налицо: еврейское кладбище, общинный молельный дом, базар и множество населявших Малаховку и зимой, и летом еврейских семей. Я еще помню, когда на улице или на рынке идиш звучал не реже русского языка или, скорее, смешивался с ним, превращаясь в своеобразный малаховский суржик. Благодаря этому я, родившись в русско-еврейской семье, где идиш знала только бабушка, до сих пор понимаю, помню и выхватываю из чужой речи неожиданно знакомые слова и выражения. И хотя это в основном присказки и ругательства, они греют мне душу.

На нашем отрезке улицы Республиканской, тянущейся через всю Малаховку в Красково, жил десяток еврейских семей, которые, словно в энциклопедическом словаре, демонстрировали возможные сферы применения евреев в народном хозяйстве. Мои родители были юристами, на углу жила детский врач Сарра Оскаровна Флейшман, чуть дальше — знаменитый уролог Ган, напротив — протезист Хайкин, рядом — ювелир Элькис и санинспектор Цикерзон, на другом краю делили дом директор комиссии Брофман и учительница Опельбаум, за высоким забором таился ди-

ректор строительного рынка Кацель, а замыкал этот оазис физик с неожиданной для физика фамилией Ландау. Наш дом был пополам с братьями — инженером и биохимиком — Жуковскими, чья семья выкрестилась еще до революции и потому смогла подарить Отечеству, помимо названных героев, диктора Игоря Кириллова, который безупречно вещал по-русски, а его мама и тетка так же гладко — на идише. Ну и кто скажет, что мы все не могли бы встретиться в Житомире!

За исключением строительного рынка и комиссии, которые, кстати, тоже не сильно демонстрировали уровень возможностей, остальные жили по-разному, но в целом достаточно скромно, совершенно не вызывая у местного православного населения желания заглянуть к ним с гирькой на цепочке или подпалить сарай. Напротив, мы все жили очень мирно, дружно, и почетную характеристику «жидовская морда» я слышала только в Бауманском институте, где вышеназванных жидов как раз было как лейкоцитов в хорошей моче — только следы. А малаховская жизнь у всех была примерно одинаковая: заборы у всех, кроме строителя Кацеля, низкие и реденькие, возможности прозрачные, очереди и блат общие, так что ничего особенно и не раздражало. Детей с кашлем и сыпью волокли к Сарре Оскаровне, взрослых с разводами и уголовными делами — к моим родителям, недержание исправлял Ган, а прикус — Хайкин, грамотно писать учила Фира Опельбаум, а теорию относительности понимал только местный Ландау. Одевались прилично мы все в комиссионке Брофмана. Вполне себе замкнутая экосистема, позволявшая

тогда жить и работать если не по-ленински, то по-человечески.

Как уже было отмечено, особую знаковость Малаховке придавало еврейское кладбище, где нашли последний приют многие еврейские знаменитости и еще в большем количестве никому не известные их соплеменники. Когда-то долгое время вопросами соблюдения традиции на похоронах ведал шикарный биндюжник абсолютно бабелевского типа по фамилии Русский. Шломо Вэлвел Русский. Когда умер мой дед, и бабушка, в принципе очень далекая от религии, захотела, чтобы прочли кадиш¹, ей предложили обратиться к Русскому, и она долго плакала, считая, что это ее дразнят и издеваются над ее горем. Отдельным, не очень достойным развлечением на заре моей юности было гуляние по кладбищу и чтение эпитафий и фамилий усопших, отчего иногда в самый неподходящий момент в тишине кладбища разносилось гомерическое жеребячье ржание. Причем особенно смешно звучали надписи, читаемые с еврейским акцентом. Недалеко от могилы моего деда стояло огромное мраморное надгробье с целой скульптурной группой, а на плите была надпись: «Самуил, ты ушел, так что?! Кому от этого стало лучше?!» Раньше, чтобы лечь на этом кладбище, было достаточно быть просто евреем. Теперь дудки! Теперь разрешение на захоронение на малаховском еврейском кладбище дает Берл-Лазар, и надо, похоже, всю жизнь стараться, чтоб по ее окончании притулиться в этом святом месте.

¹ Поминальная молитва.

Большая концентрация евреев в Малаховке поставила еще один, тогда почти неразрешимый, вопрос: где взять мацу? Специальной пекарни не было, христианских младенцев местные евреи не имели привычки обижать, но традицию никто не отменял, и люди пытались каким-то образом хотя бы на Песах мацой разжиться. Стоит ли говорить, что спрос родил предложение от простой русской женщины Настасьи Петровны Зеленцовой, которая имела такие коммерческие таланты, что сам Сорос бы не отказался пойти к ней в ученики. Толстая Аська (как звали по-соседски Зеленцову) быстро сообразила, что выгоднее производства мацы только торговля оружием и наркотиками, но за это больше дадут. Поэтому в огромном подвале своего дома она развернула пекарню, нашла где-то десяток правоверных евреев, которые знали слова и рецепты, и дело пошло! Ко второму году производство приняло почти промышленные масштабы, мацу штамповали тоннами, в работе участвовали уже все 120 национальностей Советского Союза. У Толстой Аськи было даже собственное клеймо, отмечавшее каждый лист мацы, но ее и так бы никто не спутал, потому что вкуснее Аськиной мацы никто никогда не пробовал. Когда с начала марта от электричек в сторону Аськиного дома пошли уже колонны сомнительных граждан с характерным профилем, местные власти не выдержали и вызвали Аську в обком. Оказалось, на этот случай у Аськи партбилет тоже был, удивительно только, что не под номером 000001, и она, как честная и преданная общему делу партийка, доложила ошавевшему секретарю

обкома, что не жалеет толстого живота своего, чтоб не посрамить Малаховку в глазах мировой общественности и доказать, что у нас свобода всего на свете, а выпечки мацы — тем более. При этом Аська жарко шептала партийной верхушке, что нельзя было такое дело пустить на самотек, доверить беспартийным, что у нее учтен каждый едок мацы и она себя полноправно считает на подпольной работе. В известном смысле она не врала — мацу таки пекли под полом, в подвале. Кстати, евреев Аська тоже удовлетворила: за недорого разжилась метрикой, что она-де на самом деле Хася Пинхасовна Гринкер, осиротевшая после кишиневского погрома. И все ей радостно поверили, хотя родилась она минимум лет через двадцать после тех кровавых событий. Когда после пятнадцати лет непрерывного производства мацы Аськин дом сгорел от пошлого короткого замыкания, его судьбу оплакивали в едином порыве, но по разным основаниям и партийные органы, и местное КГБ, и еврейская община.

Тот пожар стал символом не только исчезновения малаховской мацы, но и первым сигналом начала конца той Малаховки. Без мацы, но главным образом по другим причинам и благодаря открывшимся возможностям еврейский люд потянулся в ОВИРы и далее, старые чудесные деревянные дачи пошли с молотка, а новые жильцы предпочитали другие архитектурные решения. Для начала Малаховка вдруг покрылась лабиринтом высоченных заборов, из-за них торчали шпили и маковки кирпичных замков тюремно-романтического стиля. Вновь прибывшие хотели не знакомиться,

а отгородиться, с велосипедов все пересели на машины, поэтому многие, живя рядом не один год, не знают друг друга в лицо и по имени, да и не стремятся узнать. Новые дороги и хорошие автомобили приблизили Москву почти до расстояния вытянутой руки, кругом асфальт, рынок заполнен тем же ассортиментом с той же продуктовой базы, что и все московские рынки, и только немногие старожилы радостно встречаются раз в неделю в очереди за творогом и сметаной к Вере или Ларисе, которые чудесным образом не стареют и помнят еще наших бабушек. Многим нравится играть в жизнь американского пригорода, называть свои дома коттеджами, коптить малаховское небо барбекюшницами и каминами, но лица их домов настолько стерты и невыразительны, а жизнь за этими заборами так виртуальна, что, кажется, ошибись они дорогой и прикати в другое место, разницы никто не почувствует.

Может, именно поэтому и зимой и летом я вглядываюсь в Малаховку через свое окно, чтоб узнать знакомые, неповторимые черты, отпечатать их внутри себя и, как в брошенной в море бутылке, пустить в плавание к следующим поколениям...

ФОРМУЛА
СЧАСТЬЯ

СОЛЕННЫЕ ОГУРЧИКИ

— Нет, тетя Циля, все-таки объясните мне, в чем причина? Мы же похожи как две капли воды! Когда я смотрю на Белку, мне кажется, что я смотрю в зеркало! Мы не просто двойняшки, у нас даже родинки на одном месте, у обеих левая бровь выше, мы обе картавим, у нас одинаковый размер барахла. Мы две абсолютные копии. Все люди существуют в единственном числе, а нашим родителям на всякий случай природа подсунула два экземпляра, согласно фамилии Дубель. Причем Белка — оригинал, а я — второсортный дубликат.

Бабушка Циля крутилась на терраске, солила огурцы, а Элка Дубель, как обычно, примостилась на широких перилах крыльца и жаловалась ей на свою тяжелую судьбу и загубленную жизнь. Элкино скорбное перечисление неудач и обид обрушивалось водопадом Виктория, так что бабушка могла только слушать. Вставить хоть слово было

невозможно. Поэтому Цыпа успела перемыть ведро малюсеньких огурчиков, отрезать им попки, набить ими трехлитровые банки, перекладывая раздавленными дольками чеснока, зонтиками укропа и листьями вишни, смородины и дуба. Другое ведро уже закипало на крохотной электроплитке, чтобы растворить в кипятке соль и сахар, забросить туда горошины душистого и горького перца и сделать рассол. Поэтому на Элкины речи бабушка реагировала только мимикой, то поднимая брови, то качая головой, то открывая рот. А Элка продолжала:

— Тетя Циля, ну правда! Почему так? Почему с младенчества при таком совпадении все у нас было по-разному? Почему Белка спала в кровати, а я — в старом корыте? Почему она носила новую шубку и новые валенки, а я — доставшиеся от папиной племянницы? Почему, когда мы пошли в первый класс и мама гладила перед первым сентября парадные фартуки, мне достался тот, где она случайно прожгла дырочку, а Белке — новехонький? Почему, если оставался один свежий воротничок, его пришивали Белке, а я тащилась в грязном? Когда мы подросли, Белке купили диванчик, а мне хватило места только на кресло-кровать? А вы спали когда-нибудь на кресле-кровати? Это же пытка! Сейчас на этом чертовом кресле даже наша собака спать не хочет, а мне годилось! — Эл-ка громко шмыгнула носом и всхлипнула от жалости к себе. Достала из кармана растянутой вязаной кофты огромный мужской носовой платок и долго в него сморкалась, а потом уголком вытерла слезы и протерла уродливые, замотанные

изоляцией очки. Какая она все-таки некрасивая! Какая-то нелепая, мосластая, с седой, непослушной, похожей на клоунский парик гривой. А покрасневший от слез носик? Его словно утрировали с помощью театрального гуммоза. Пожалуй, такой здоровый нос в Малаховке был только у Элкиной сестры Беллы и старьевщика Арона.

— А в школе учились! — продолжала Элка. — Все делали одинаково, а классная любила только Белку! Домашнее задание вместе делаем, под копирку, но ей — пять, мне — три. Как нагрузки распределять, ей — над первоклассниками шефствовать, с ними каждую перемену обниматься и в кино ходить, а мне — класс мыть или доску тереть. И позже вроде ровно шли, все одинаково, а ей вдруг обломилась серебряная медаль, а мне — шиш из-за какой-то дурацкой запоротой контрольной. Про выпускной даже вспоминать противно. Клавдия Гавриловна из ателье у станции два платья нам сшила одинаковых, муслиновых, голубых. Так Белка пришла в нем принцессой и вернулась под утро красавицей, а мне Фельдман-придурок вина красного стакан на подол опрокинул и начал ржать и кричать, что я в малаховском овраге невинность потеряла. Поэтому я, рыдая, огородами домой побежала, даже не потанцевав, а Белка, звеня медалью, веселилась до победного конца. — Нахлынувшие воспоминания сдавили Элке грудь, она снова захлюпала носом, а бабушка сняла закипевший рассол, поставила банки рядком в детскую цинковую ванночку и устало разогнулась.

— Ай, Элла, шо ты обкусываешь себе сердце! И шо уже вспоминать то, шо не помнит даже

столетний Гуткин! Эта било так давно, шо ты сама уже точна не вспомнишь, или ты мучила, или тебя мучили. И кому ув тебе претэнзии? К мамэ, или к бобэ, или к школьная администрация? Или к тому швыцеру Фельдману, что чем облить тебя вином, лучше таки сводил бы ув овраг? Перестань уже пїсать глазами! У мене будут пересолены огурчики!

— Тетечка Циля, не сердитесь на меня! Просто обидно от такой несправедливости и тогда, и сегодня! Я почему ведь вспоминаю? Не в школе же дело, плевать, если бы это было только тогда. Мне сейчас пятьдесят три года, какая школа! Но ведь это началось с рождения и тянется до сих пор. Были одинаковые, росли одинаково, обе Пищевой институт окончили, обе в одной малаховской комиссионке одевались. Все согласно фамилии дублировали. Только Белка сначала за директора универсама Чумиченко замуж сходилa, а не успел он попасть под электричку — так найте вам! Теперь она жена протезиста, мадам Циферович! И двухэтажная дача со всеми удобствами, и зубной кабинет, и кооператив в Люберцах, и дети-близнецы, но не такие, как мы! А мне осталась старая халабуда на Красной Змеёвке, и то потому, что Белке ни она не нужна, ни выжившая из ума баба Фрида в придачу! Поэтому я и не молчу, и не перестаю возмущаться таким неравенством!

Про старуху Фриду Элка Дубель сболтнула зря. Фриду бабушка любила, когда-то сама бегала к ней за советом, как теперь к бабушке бегают Элка. К тому же пора было разливать в банки с огурцами рассол, это дело серьезное, требует аккуратно-

сти и спокойствия, иначе обвариться можно, а тут Элка со своими глупостями. Пора заканчивать.

— Знаешь, Элла, шо я тебе скажу: нигде не написано, шо должно било бить наоборот и щастя должна била кушать ты — полной ложкой, а Белка скрести по дну. И никто его точно не щупал, того щастя. Еще неизвестно, в кого его било больше, когда будут подсчитывать ув конце. Шо ты болтала об детстве и об школе, то вообще халоймес¹, у тебе свербит неиспользованный овраг, перееханный поездом Чумиченко и зубник Циферович. Ты гадаешь, где такой у Белки кручок, шо она их зацепила, а ты не смогла. Так я тебе отвечаю. У тебе зуби только ув во рту, а ув Белке — еще ув одном месте, не зря же ее муж — протезист! Так шо не во всем ви с Белка одинаковие: ув неё там зуби, тебе ее не обштопать! Поэтому висморкай нос и на сегодне иди уже на Красную Змеёвку, передай привет Фридочке.

Элка сползла с крыльца и поплелась к калитке, а бабушка хмыкнула, ловко разлила рассол и запечатала банки похожими на лопухи листьями хрена.

СТАРЬЕ БЕРЕМ

Когда Арон-старьевщик появился в Малаховке, никто не помнил. Да и кто мог помнить, если даже самые древние малаховские старики говорили, что еще детьми бегали за Ароновой телегой и его лошадкой Фанькой, умоляя прокатить

¹ Сны, мечты, пустые фантазии (идиш).

хоть до соседней улицы или пытаюсь выклянчить какую-нибудь драгоценную ерунду. Так что можно с уверенностью сказать, что Арону и его Фаньке на двоих было лет двести, не меньше.

Арон был кривой на один глаз, зато второй, здоровый, суетился за двоих, все время глядя по сторонам, ничего не упуская, одновременно следя за Фанькой, за прохожими, а главное — за тем, не валяется ли у дороги что-то полезное, что нашло бы место среди сокровищ на его телеге и потом могло бы быть выменяно на что-то необыкновенное.

Иногда, задремав на солнышке, пока Фанька ползла по улице, мерно вздыхая и шаркая стершимися копытами, Арон видел сон, в котором к нему вдруг подходит шикарный господин и говорит: «Уважаемый Арон, где вы сумели найти этих чудесных, почти целых солдатских сапог? Мне кажется, именно в них мой дед уходил на войну с белополяками! Умоляю, отдайте мне их за мои золотые карманные часы! Я понимаю, что вы так немножко продешевите, но пойдите мне навстречу!» Или, например, подбегает к нему толстая Гита, что продает на рынке ряженку, вкуснее которой нет ничего на свете, и умоляет: «Ой вей из мир¹, Арончик, будь ласка, не откажи, разреши мне взять эту зеленую кастрюлю без крышки, ведь у меня как раз только крышка на нее и есть, а за это ты сможешь каждый базарный день съедать столько моей ряженки, сколько захочешь!» Правда, пока это были только мечты.

¹ О Господи (идиш).

Лошадка Фаня тоже мечтала, хотя мечты ее были попроще. Она мечтала, чтоб Арон уже перестал каждый день мотаться по Малаховке и окрестностям с этой чертовой телегой, давал летом Фаньке хоть один выходной, разрешая просто пастись на лугу с сочной свежей травой, а не давиться сеном, а зимой наконец забил щели в сараюшке, где она трясется от холода, и пристроил ей вместо попоны какое-нибудь хоть дырявое старое ватное одеяло, и она бы не так мерзла.

Вообще Фанька по-своему даже любила Арона и редко с ним ссорилась, хотя кривым он стал из-за нее — это она его лягнула, уже даже не помнила из-за чего. Люди говорили, он хотел сменить ее хомут и тощую торбочку с овсом на грабли, но Фаньке-то грабли ни к чему! Но она об этом не помнила и зла на Арона не держала. Просто это была очень немолодая еврейская лошадь, поэтому выглядела грустновато, наблюдая за несовершенным миром скорбными иудейскими глазами и тяжело вздыхая на каждом шагу.

Все малаховские дети обожали Фаньку и ждали, когда она появится на их улице. Они угощали ее яблоками и грушами, морковкой и лопухами, подсоленной горбушкой, а то и кусками сахара. Фанька вела себя сдержанно, но на самом деле была этим детям рада и благодарна, ведь ни от кого она столько любви и нежности не видела. Они гладили ее своими маленькими ручками, целовали прямо в замшевый нос, не боялись совать свои угощения в желтозубую пасть. Их не смущало, что она была покрыта дорожной пылью, довольно резко пахивала, но разве это могло быть

препятствием для взаимной любви! И они бросались к ней при первом ее появлении, а она благодарно тыкалась мордой им в ладони и нежно дышала в лицо. И даже если какой-нибудь дурачок стегал ее прутиком, стрелял из рогатки еловой шишкой или царапал значком или сломанной пуговицей, она не обижалась.

Хитрый Арон давно понял, что больше всего его с Фанькой ждут именно дети, и на них строил свой сомнительный бизнес, положив в его основу два соблазна — голодную ласковую Фаньку и детскую жажду чего-то необыкновенного, а потому особенно ценного и соблазнительного. Арсенал его был небогатый, но беспронимательный. Глубоко под соломой на Ароновой телеге лежали мешочек с леденцами на палочке в толстой коричневой бумаге, рядом — свистульки, а главное — набитые опилками или лоскутками мячики из серебряной бумаги на резинке.

Как же мы мечтали об этих мячиках! На рынке у станции ими по воскресеньям торговали цыгане, но мячик стоил двадцать копеек, а жил максимум полчаса, так что на второй-третий раз бабушка или папа строго говорили: «Зачем тебе это барахло, не трать деньги на ерунду!» Что они понимали в ерунде! Ерундой были все их покупки, планы и расчеты, а серебряный мячик на резинке был мечтой! Поэтому добыть его хотелось любым путем.

И это отлично понимал Арон-старьевщик. Едва услышав его протяжное картавое «Стагье бе-ром!», дети хватали из дому все, что плохо лежало, и волокли добычу к Ароновой телеге. Наивные родители не догадывались порой, что, сэкономив двадцать копеек на очередном мячике, они, сами

того не ведая, расплачивались за него садовым инвентарем, инструментами, шарфами и шапками, ведрами и лейками, мясорубками и закаточными машинками. И никакие душеспасительные беседы, математические выкладки, ремень по заднице и любые другие наказания и запреты ничего не меняли. Блестящий мячик становился путеводной звездой, и не существовало ценности, которую жаль было за него отдать!

Конечно, сейчас, вспоминая детство и давно канувших в черную дыру времени Арона и Фаньку, а вместе с ними серебристые мячики на резинке, можно рассуждать об убожестве той жизни, жалких этих игрушках, скудости выбора и прочем. Но, когда видишь равнодушие, с которым сегодняшние дети воспринимают любые чудеса и сюрпризы, их вялую или всего лишь секундную реакцию на всякие подарки, становится обидно скорее за них, чем за себя. Сейчас ломаешь голову, чем их удивить и порадовать, а тогда за рубль или бабушкин бидон для молока можно было получить целую кучу сияющего на солнце счастья, возвращающегося на резинке у тебя в руке!

А КАК ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ — ОНА СЕРДЦЕ ЖЖЕТ...

«Ну что ты все дома сидишь, в компьютер воткнувшись? Какого черта тогда на дачу приперлись! Погода чудесная, такая зелень яркая, сочная вокруг, липа зацвела — аж голова кружится от запаха, а ты прячешься за шторой...»

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Хохрина Татьяна
СЛЕДУЮЩАЯ СТАНЦИЯ — МАЛАХОВКА

Рассказы

Ответственный редактор Ю. Раутборт
Художественный редактор В. Лебедева
Технический редактор Л. Синицына
Корректоры П. Шевнина, О. Ануфриева
Компьютерная верстка Е. Зеленина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 25.08.2026.
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Spectral».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12.

Тираж 4000 экз. Т-РРІ-42338-01-Р. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68,	Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат,
БЦ «Регул», 2-й этаж	«Регул» бизнес орталығы, 2-қабат
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басым шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң).

